

Бабаева Замира Эседовна

"ДВОЙНЫЕ МОТИВИРОВКИ" В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА "ПИКОВАЯ ДАМА"

В статье на материале повести А. С. Пушкина "Пиковая дама" рассматриваются "двойные мотивировки" введения в сюжет тех или иных событий. Выделяются и анализируются главные образы, детали, значимые ситуации, которые несут амбивалентную смысловую нагрузку. Делается вывод о том, что атмосфера фантастического создается в повести за счет колебания между реальным и ирреальным объяснением событий, отмечается последовательное воплощение в повести принципа двоемирия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/5/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 14-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82

Филологические науки

В статье на материале повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» рассматриваются «двойные мотивировки» введения в сюжет тех или иных событий. Выделяются и анализируются главные образы, детали, значимые ситуации, которые несут амбивалентную смысловую нагрузку. Делается вывод о том, что атмосфера фантастического создается в повести за счет колебания между реальным и ирреальным объяснением событий, отмечается последовательное воплощение в повести принципа двоемирия.

Ключевые слова и фразы: фантастика; реальность; карта; «двойная мотивировка»; игра.

Замира Эседовна Бабаева*Кафедра литературы**Астраханский государственный университет**scorpio_1989@mail.ru***«ДВОЙНЫЕ МОТИВИРОВКИ» В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»[©]**

Проблема особенностей фантастики у А. С. Пушкина, органического слияния реального и фантастического в повести уже неоднократно поднималась литературоведами, но мы всё равно считаем необходимым к ней вернуться, чтобы более детально рассмотреть точки соприкосновения двух реальностей, выяснить, с какими сюжетными ходами связаны основные трудности интерпретации «Пиковой дамы».

Повесть А. С. Пушкина воспринималась современниками всего лишь как забавная история, «игрецкий анекдот», литературная безделка. В. Г. Белинский не отнес произведение к одной из разновидностей эпоса, так как посчитал, что оно «не повесть, а мастерской рассказ» из-за элементов фантастики [1, с. 347]. Но с этой точкой зрения нельзя согласиться, и некоторые критики даже находили связь «Пиковой дамы» со сказкой, которая, являясь изначальным «предком» эпоса, содержит в себе огромное количество фантастики. Неоднократно обсуждался вопрос об одновременном сосуществовании реального и фантастического в повести, определялась роль фантастики в идейном замысле произведения. Как отмечает О. С. Муравьева, «атмосфера фантастического создается в повести за счет непрерывного колебания между фантастическим и реальным объяснением происходящего, но двусмысленность и неясность распространяются и на безусловно реальные образы и события» [5]. Это и вводит в заблуждение как читателей, так и критиков. Неоднозначность восприятия тех или иных ситуаций не дает возможности выбора единственно верного толкования. Автор постоянно держит читателя на грани реального и фантастического, не позволяя окончательно склониться в ту или иную сторону.

Попытаемся выявить в тексте повести так называемые «двойные мотивировки». И начнем с **главного героя**¹, так как именно в характере Германна заложено двойственное восприятие действительности. Германн – противоречивая личность, обуруемая сильными страстями и обладающая огненным воображением. В душе он пылкий игрок, способный ради денег на самые изощренные и коварные методы. В начале повести герой предстает перед читателем как хладнокровный и терпеливый наблюдатель карточной игры. Игра занимает все его мысли, но он «не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее» [6]. Молодому инженеру удается контролировать свои чувства и управлять своими желаниями. Живые эмоции постоянно борются в нем с холодным голосом рассудка, твердостью и непреклонностью характера, которые спасали его «от обыкновенных заблуждений молодости» [Там же]. Как известно, Германн – сын обрусевшего немца. Борьба расчета и страсти отражена в «говорящем» имени. Ведь холодный разум и расчет, согласно этностереотипам, являются основными характерными особенностями европейского человека, здесь – немца (вспомним Штольца из гончаровского «Обломова», обладающего теми же качествами). А страсть, живая, загадочная и эмоциональная душа присущи русскому человеку. Так что имя Германн напоминает как о Германии, откуда герой родом, так и о России – двойным «н», характерным для русского языка.

Несмотря на острую необходимость упрочить свое материальное положение, Германн никогда не берет в руки карты и не играет, но это не мешает ему целыми днями просиживать за карточными столами и с трепетом следить за ходом игры. С одной стороны, в этом герое заключена огромная сила воли, но, с другой, услышав о тайне трех карт, он загорается мыслью непременно овладеть секретом. Разгоряченное сознание Германна рисует картины фантастического богатства. Наконец, созревает план жестокого обмана Лизаветы, а через нее – приближения к заветной тайне. С этого самого времени Германном движет неведомая сила. Именно она приводит молодого человека к дому старой графини, доселе ему неизвестному. Пушкин раскрывает сущность своего героя в сцене, когда Томский танцует с Лизаветой. Он говорит героине о том, что ее воздыхатель – «лицо истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля» [Там же]. Действительно, Германн жаждет денег так же сильно, как Наполеон – славы. И тот, и другой отличаются хладнокровностью и суровостью души. И тот, и другой способны на убийство ради достижения цели. Властолюбивый и тщеславный профиль объединяет обоих героев. Ко всему прочему следует добавить немаловажный факт: Наполеон был любителем карточных игр. Германн – азартный игрок в жизни, как и французский император – игрок на поле большой истории. Наконец, как писал Пушкин в «Евгении Онегине», «мы все глядим в Наполеоны...». Душой же Германна овладевают силы зла, которые толкают его на преступление. И не одно. «На его совести по крайней мере три злодейства», –

[©] Бабаева З. Э., 2012

¹ Здесь и далее выделения жирным шрифтом мои – З. Б.

шутливо утверждает Томский. Герой становится злодеем. Он убивает старуху, убивает чувства Лизаветы, наконец, убивает свою нравственную природу. Демоническая непреклонность желаний, беспорядок необузданного воображения, лживые искушающие слова любви, алчущая денег душа – таково истинное лицо героя. Потому Германна и не пугает то, что тайна может быть «сопряжена с ужасным грехом, с пагубою вечного блаженства, с дьявольским договором» [Там же], он готов взять все грехи на себя одного, лишь бы узнать эти три карты.

Но, несмотря на сильную волю и хитрость ума, Германн чрезвычайно суеверен. Его пугает не совершенный накануне поступок, а возможное вредное влияние уже мертвой старухи на его дальнейшую жизнь. О том, верил ли герой в бога, мы ничего не знаем. Автор умалчивает об этом. Но все же Германн боится высшего суда. Именно страх, а не чувство раскаяния, заставляет его отправиться на похороны. Придя в церковь, так же, как и все, подходит к старухе и кланяется в землю. Взойдя на ступени катафалка, он наклоняется, видимо, чтобы поцеловать руку графини. Значит с православным ритуалом погребения герой знаком. Однако не стоит забывать об истинной цели прихода героя.

Ко всем главам повести автор подобрал **эпиграфы**, помогающие раскрыть основную идею каждой. Не будем подробно останавливаться на них, так как исследователями неоднократно рассматривался этот вопрос. Хотелось бы отметить, что мистифицирующие эпиграфы встречаются лишь в начале произведения (эпиграф ко всей повести) и непосредственно в пятой главе (в которой герою является привидение старухи). К остальным главам подобраны вполне реалистические эпиграфы. Но и здесь мы обнаруживаем своего рода «двойную мотивировку»: с одной стороны, предостерегающий эпиграф ко всей повести – «Пиковая дама означает тайную недоброежелательность» – подсказывает читателю (можно сказать, предсказывает) трагический конец Германна, но, с другой, звучит достаточно иронически, так как цитируется автором из новейшей гадательной книги. Подобная авторская уловка также не дает однозначного толкования.

Следующей очень важной деталью с двойным значением являются **карты**, «главные герои» и орудие повести. В природе карт заложено двоемирие: с одной стороны, это простые невербальные знаки, с другой – проверенный на протяжении веков инструмент гадания. Карточная игра, как известно, имеет свои правила, «но в пределах карточной игры отдельные карты не имеют семантических отношений к вне карт лежащим денотатам. Когда в расстроенном воображении Германна карты обретают внеигровую семантику [образы внешнего мира принимают формы тройки, семерки и туза], то это – приписывание им значений, которых они в данной системе не имеют. Однако, с другой стороны, карты используются не только при игре, но и при гадании. В этой их ипостаси активизируются иные функции: прогнозирующая и программирующая» [4].

Некоторые исследователи отмечают тот факт, что повесть разворачивается по аналогии с карточной игрой: как игрок постоянно находится между правым и левым, проигрышем и выигрышем, так и читатель находится на **границе двух миров**: реального и фантастического. В реальном мире все объяснимо. К появлению фантома графини, кошмару с бредом или галлюцинации автор тщательно подготавливает читателя. Накануне встречи со старухой Германн трепещет, как тигр, приходит намного раньше назначенного времени и долго дожидается ее в комнате. Детальное описание спальни также не остается незамеченным, ведь Пушкин как бы невзначай бросает, что все предметы и разного рода дамские игрушки были изобретены в конце минувшего столетия «вместе с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом» [6]. Франц Антон Месмер – австрийский врач. Полагая, что планеты оказывают воздействие на людей посредством магнитных сил, выдвинул представление о «животном магнетизме» как особой естественной силе, «заряжаясь» которой от планет и излучая ее на других людей, человек способен воздействовать на течение их физиологических процессов и изменение поведения. Разработанное на этой основе учение, получившее название «месмеризм», способствовало формированию научных представлений о гипнозе. Упоминание Месмера, как считают некоторые, наделенного необычными мистическими способностями, вводит читателя в мир сверхъестественного и сверхчеловеческого одновременно. Ведь Германн чуть ли не гипнотизирует старуху: сначала просьбами, мольбами, затем – угрозами.

Тишина, лишь только бой часов, волнение, торопливые шаги. Наконец, герой остается один на один со старухой. Отвратительные таинства ее туалета, мертвое лицо, качание страшной старухи, смерть и невозвратная потеря тайны. На похоронах герой падает в обморок, затем очень много пьет (чего раньше никогда не делал). Вино разжигает воображение, да еще Германн думает о похоронах. И тут появляется женщина в белом платье. Казалось бы, все вышеописанное подводит лишь к тому, что уставший и сильно разгоряченный Германн испытал галлюцинацию. Случившееся было бредом или фантазией неукротимого воображения. Но... Как объяснить то, что после видения герой, уже совершенно опомнившийся, проверяет остальные комнаты и вполне ясно записывает слова старухи? Как также объяснить ее правдивые слова, ведь Германн на самом деле угадывает сказанные ему карты? Никак иначе, кроме как фантастикой, это не назовешь. Значит Томская действительно ему являлась и открыла заветную тайну. И воображение тут вовсе не при чем. В мире фантастическом события разворачиваются случайно, против воли, а потому они не могут быть объяснены. Подобная «двойная мотивировка» оставляет читателю возможность видеть в явлении графини-покойницы как фантастику, так и пьяный сон или бред потрясенного Германна.

Наконец, **образ Пиковой дамы**. Прототипом старухи-графини послужила Наталья Петровна Голицына, мать Дмитрия Владимировича, московского генерал-губернатора, действительно жившая в Париже и поведавшая своему внуку тайну трех карт, рассказанную ей Сен-Жерменом.

Образ пиковой дамы можно рассматривать в двух ипостасях. С одной, реалистической точки зрения, это обычная карта в колоде, которая чисто случайно выпала герою (возможно, склеившись с тузом, как это бывает, когда колода совершенно новая). С другой, символической, Пиковая дама – символ кары, возмездия за обман, за предательство, замену настоящего высокого чувства – любви на низкое – деньги. Тайную недоброежелательность проявила графиня по отношению к Германну. Ведь и явилась она к нему против своей воли (ей «было

велено исполнить просьбу» [Там же]). Единственное ее желание – определить судьбу своей воспитанницы. Указание демонических сил – «в сутки более одной карты не ставить и во всю жизнь уже после не играть» [Там же] – герой выполняет. Однако вполне реальную просьбу отвергает и даже забывает о ней. Потому и в образе пиковой дамы на карте ему мерещится мертвая графиня: «В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась. Необыкновенное сходство поразило его... – Старуха! – закричал он в ужасе» [Там же].

Итак, фантастика настолько органично и легко входит в атмосферу реальности, что можно говорить о границе между двумя мирами. Но граница эта не очерчена, не установлена, отсюда – неоднозначность и бесконечность колебаний. Интерпретировать фантастические события с реальной точки зрения, отменяя сам факт сверхъестественного, было бы узко и недостаточно. В герое, предмете, ситуации заключена двойная природа, поэтому нам представляется правильным по-разному истолковывать события повести, оставляя за каждым сюжетным ходом право как реального, так и фантастического объяснения, развиваться, как отмечает Я. Э. Голосовкер, в плане психо-патологическом (для здравомыслящих и скептиков) или оккультно-спиритическом (для тех, кто верит в ирреальную силу) [2].

Список литературы

1. **Белинский В. Г.** Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 1. 736 с.
2. **Голосовкер Я. Э.** Секрет автора («Штосс» М. Ю. Лермонтова) / послесловие С. О. Шмидта // Русская литература. СПб., 1991. № 4. С. 45–65.
3. **Гуния В.** «Пиковая дама»: Германн – «якобинец карточной игры» [Электронный ресурс]. URL: http://kholmugruzii.klamurke.com/01/gunia_pikovaya_dama.htm
4. **Лотман Ю. М.** «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века [Электронный ресурс]. URL: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/articles/lotman/pikovaya-dama-i-tema-kart.html>
5. **Муравьева О. С.** Фантастика в повести Пушкина «Пиковая дама» [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is8/is8-062/html>
6. **Пушкин А. С.** Пиковая дама [Электронный ресурс] URL: <http://www.rvb.ru/pushkin/01text/06prose/01prose/0866.htm>

“DOUBLE MOTIVATIONS” IN A. S. PUSHKIN’S NARRATIVE “QUEEN OF SPADES”

Zamira Esedovna Babaeva

*Department of Literature
Astrakhan' State University
scorpio_1989@mail.ru*

The author considers the “double motivations” of certain events introduction into a plot basing on the material of A. S. Pushkin’s narrative “Queen of Spades”, reveals and analyzes the main images, details, meaningful situations, which convey ambivalent meaning, concludes that the atmosphere of fantastic is created in the narrative by the fluctuation between the real and surreal explanations of events, and mentions the consistent embodiment of double-world principle in the narrative.

Key words and phrases: fantasy; reality; playing card; “double motivation”; game.

УДК 82.09

Филологические науки

Статья посвящена особенностям реалистического направления в публицистическом и литературно-критическом творчестве писателя-эмигранта «третьей волны» А. И. Солженицына. Основное внимание автор уделяет преломлению традиционных реалистических жанров и приемов в работах автора русского зарубежья. В статье проанализированы и обобщены основные идейно-тематические концепции реализма в публицистических произведениях А. И. Солженицына в их противопоставлении соцреализму, процветавшему в Советском Союзе.

Ключевые слова и фразы: художественная публицистика; русское зарубежье; «третья волна» эмиграции; А. И. Солженицын; реализм; литературная критика; взаимоотношения советских писателей и писателей-эмигрантов; противостояние соцреализму.

Наиля Мунировна Байбатырова, к. филол. н.

*Кафедра теории и истории журналистики
Астраханский государственный университет
aulova83@mail.ru*

ТРАДИЦИИ РЕАЛИЗМА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА[©]

Социально-политические и литературно-критические воззрения А. И. Солженицына являются неотъемлемой частью его индивидуального писательского метода и наиболее ярко отразились в публицистике